

Отзыв члена диссертационного совета на диссертацию Никипорец-Такигавы Галины Юрьевны на тему: «Интернетизация политического пространства на примере России», представленной на соискание учёной степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

В докторской диссертации Галины Юрьевны Никипорец-Такигавы обстоятельно исследуется весьма актуальная научная и практическая проблема, и уже в этом состоит несомненная ценность ее работы. Наряду с этим у рецензируемого докторского исследования есть также целый ряд других положительных черт и, прежде всего, логичная структура, состоящая из теоретической части (раздел I-й, включающий две главы), практикоориентированной части (раздел II-ой, включающий три главы), введения и обширного заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

К достоинствам работы следует отнести также грамотно используемую автором обширную библиографическую базу, позволяющую ему решить те 10 задач, которые сформулированы на с. 19-20 диссертации во взаимосвязи с той целью, которую он перед собой поставил (стр. 18). (О том, в какой степени увязаны эти два понятия, т. е. цель и задачи, а также в какой мере они взаимосвязаны с содержанием самой диссертации, будет сказано ниже. Также как будет сказано о взаимосвязи содержания диссертации с гипотезой, сформулированной автором на стр. 18-19).

При работе над темой диссертации Г.Ю. Никипорец-Такигава поставила перед собой сложную цель, заключающуюся, как она пишет на стр. 18 «в исследовании и концептуализации роли интернета в политическом пространстве на примере России как одной из национальных моделей». Эта цель вытекает, на мой взгляд, из весьма смелого утверждения, которое содержится на стр. 16 текста диссертации. Оно следующее: «Анализ же институциональных теорий приводит к выводу, что не только старый, но и новый институционализм не имеют возможности объяснить процессы, затронувшие политическую систему в части ее политических институтов на современном этапе развития информационного

общества. Ни одно из существующих определений политических институтов, выделяемых в рамках широкой институциональной теории, не работает в современном информационном обществе, так как многие признаки, на которых строятся определения институтов, для него более не релевантны».

Обобщая выводы о роли и характеристиках интернета в политическом пространстве, приведенные на предыдущих страницах работы и содержащиеся также в других трудах, Никипорец-Тагикава Г.Ю. приходит к заключению, что эти выводы «не объединены и не систематизированы». «Концентрация внимания на угрозах, которые связаны с интернетом, – пишет она, – отвлекает от задачи комплексной оценки, учитывающей как отрицательные, так и положительные влияния интернета. *Признание интернета технологией или инструментом ведёт к пониманию его роли в политическом пространстве как вторичной и вспомогательной. Попыток подойти к интернету как к актору политических процессов не предпринимается.* (выделено мной – Я.А. Пляйс). Те теории, которые признают политическим институтом средства массовой информации, подразумевают, что интернет является частью средств массовой информации или же не рассматривают интернет. Кроме того, они игнорируют институциональный подход». (стр. 16).

Исходя из вышесказанного, легко прийти к выводу, что автор рецензируемой диссертации не согласен с установившимся в нашей научной литературе подходом, выделенном мною выше курсивом и наперекор всем стремится доказать в своей работе, что интернет, – это *сформировавшийся политический институт*. На этом автор настаивает неоднократно (см., например, стр. 31, 84, 100, 104, 139, 157, 165). Но автор утверждает не только это, но и то, что интернет лишь *превращается* в политический институт (см., например, стр.19, 25, 30, 32, 52, 84, 97, 184, 261, 262), что интернет – *политический институт оппозиции* (см., например, стр. 115, 124, 130, 142, 236)

Особый интерес для данного отзыва представляют 3-й, 8-й, и 9-й пункты научной новизны (из 12), в которых утверждается, что автором «разработано интегративное понимание политического института, подходящее для

политических феноменов современного уровня развития информационного общества, которое определяется растущим воздействием интернета (стр. 20-21). В пункте 8 научной новизны автор утверждает: «Осуществлён анализ элементов, функций, характеристик интернета как *политического института*, выделяемых на основе проведённых эмпирических исследований. Процессы интернитизации политического пространства и превращения интернета в *политический институт раскрыты в «динамике трансформаций»*. (раздел 2, стр. 21) (Курсив мой – Я.А. Пляйс) Наконец, пункт 9-й новизны содержит следующее утверждение: «Характеристики интернета как политического института обобщены и систематизированы на основе структурно-функционального подхода. Доказано наличие специфических элементов и функций интернета как *политического института нового типа* по сравнению с традиционными политическими институтами (раздел 2, стр.21). К данному определению дано немаловажное дополнение на стр. 32 (п. 10-й положений, выносимых на защиту), в котором утверждается, что интернет «является политическим институтом для всех альтернативных мейнстриму политических сил в любой стране. Но в России интернет укрепляется как политический институт оппозиции активнее, чем на западе».

Столь обширное цитирование потребовалось нам исключительно для того, чтобы показать, что автор диссертации придерживается фактически **трех** заметно отличающихся друг от друга подходов: 1 – интернет *является политическим институтом*; 2 – интернет *находится в процессе превращения в политический институт*; 3 – интернет *является политическим институтом оппозиции*. Данные подходы отчетливо проявляются также в положениях, выносимых на защиту. В этой связи обратим внимание на 2 и 3 положения. Во 2-ом говорится о том, что предлагаемая «в данном диссертационном исследовании теория интернитизации политического пространства позволяет осмыслять возрастающую роль интернета в политике, преодолевая профессиональную и идеологическую предвзятость существующих теоретическо-методологических подходов и учитывая возрастающее влияние интернета на политическое пространство» (стр. 30). Третье

положение, продолжая предыдущее, утверждает, что «согласно данной теории, интернетизация политического пространства – это процесс, при котором политическое пространство всё более подчиняется логике интернета, интернет всё более интегрируется в деятельность разных политических инструментов, одновременно превращаясь в политический институт» (Там же).

Как в связи с приведённой концепцией, так и по той причине, что диссертант, претендующий на учёную степень доктора наук (в соответствии с Положением о научных степенях), основное внимание в данном отзыве должно быть уделено теоретической части работы Никипорец-Такигавы Г.Ю.

Именно поэтому особое наше внимание обращено на раздел I-й – «Теория интернетизации политического пространства» и, прежде всего на параграф 1.2 – «Основные теоретические подходы к изучению взаимодействия интернета и политического пространства» (стр. 54-76) Подробно рассматривая в этом параграфе различные теории взаимодействия интернета и политического пространства (теорию демократизации, теорию публичной сферы, делиберативной демократии – стр. 54; цифровой демократии – стр. 56, теорию медиатизации политики» (стр. 64-66), акторно-сетевую теорию (стр. 68), «виртуализации политики» (стр. 69), ссылаясь при этом на конкретных авторов этих теорий (в основном зарубежных), автор затем делает следующее важное заявление: «В любом случае понимание интернета как нового пространства политических коммуникаций всё ещё требует создания соответствующих теорий, которые способны к отображению не просто каких-то оттенков, сторон и фрагментов этого комплекса социальных контактов, но прежде всего их природы и сущности». Ссылаясь во второй части процитированного заявления на статью проф. А.И. Соловьёва «Коммуникация и культура» противоречия поля политики», опубликованную в журнале «ПОЛИС». Политические исследования (2002 г. №6), автор постарался исправить этот недостаток нашей науки, предприняв на стр. 72 диссертации попытку дать следующее собственное определение недостающей теории: «Предлагаемая нами *теория интернетизации политического пространства* помимо уточнения названия решает и другие проблемы

медиацентричных подходов. Все медиацентричные теории также в силу того, что являются теориями, возникшими в доинтернетную эпоху – не могут избавиться от рассуждений о роли электронных средств массовой информации или же печатных средств массовой информации, и находятся в известной степени в плену обязательств говорить обо всех средствах массовой информации. В этом смысле замена концепции *медиазации* концепцией *интернетизации* необходима для того, чтобы не рассматривать рудиментарные средства массовой информации. Но простой актуализации теории медиазации политики при помощи замены «медиазации» «интернетизацией» недостаточно. В теории медиазации есть ещё один элемент, который следует переосмыслить.

Согласно этой теории СМИ – это социальный институт, который влияет на деятельность политических институтов (а также всех других социальных институтов) таким образом, что организует взаимодействие внутри политического института (а также внутри других социальных институтов), между политическими институтами, а также между политическими и другими социальными институтами и в обществе в целом. Такая теоретическая конструкция затрудняет задачу определения места интернета в политическом пространстве. Ещё более трудной задача становится по причине того, что «институт» в приведённой формулировке теории медиазации означает нечто неясное. Неясно также, какие социальные институты выделяются в русле теории медиазации, как работает взаимодействие внутри социальных институтов и между ними. На все эти вопросы теории институционализма, анализ и использование которых развивающие медиатеории исследователи не предпринимают. Это то самое проявление состояния «разрыва» в выборе предметов исследования и подходов к их изучению, при котором политическую коммуникацию изучают, не привлекая теорию коммуникаций, но, с другой стороны, о медиазации институтов и превращения медиа в институт рассуждают без обращения к теории институционализации. Мы уже охарактеризовали выше подобные разрывы как серьёзное препятствие для создания той теории, которая поможет осмыслить все функции интернета как

связанного с медиа, но значительно более широкого, чем медиа, феномена, функционирующего в системах, основанных на институтах».

Как из процитированного пространного фрагмента диссертации, так и из других (в том числе дальнейших рассуждений автора работы), можно понять, что Никипорец-Такигава Г.Ю. является сторонником теории интернетизации политического пространства, считая другие теории, в особенности теорию медиатизации, неадекватными для современной политической науки и что поэтому их следует переосмыслить (см, например, стр. 72) и «необходимо обращение к теории политических институтов» (стр. 73). В связи с таким выводом диссертант предлагает также «уточнить содержание «политический институт», проанализировав существующие на сегодняшний день основные институциональные подходы и критически переосмыслив их в применении к реалиям информационной цивилизации». (стр. 77)

Развёрнутое определение политического института диссертант даёт на стр. 95, понимая под ним «вид социальных институтов». «Политический институт, – считает автор, – это вид социальных институтов, который помимо выполнения универсальных функций, свойственных всем социальным институтам, выполняет специфические функции, имеющие отношение именно к политическому пространству, представляет собой структуру неразрывно связанных между собой легитимных и устойчивых форм, ролей, норм, стратегий политического взаимодействия и поведения, которое выполняют в политическом пространстве структурно-регулятивную, нормативно-культурную, интегративно-стабилизирующую, а также стратегическую функции. Понимая интернет как политический институт, его функционирование как делиберативной публичной сферы, зоны политических манипуляций и информационного противоборства или же пространства политической коммуникации, можно рассматривать в качестве реализаций различных функций интернета как политического института».

Можно предположить, что приведённое выше определение компенсирует недостающую теорию интернетизации политического пространства, о разработке которой автор заявляет на стр. 20. Определяя на этой же странице научную новизну

своего исследования, диссертант утверждает, что им «Разработана теория интернетизации политического пространства, в рамках которой можно исследовать и систематизировать характеристики интернета в политическом пространстве, его роль и закономерности его развития. Теория приложима к другим социальным пространствам, разным национальным ситуациям, а также является междисциплинарной». Во 2-м пункте положений, выносимых на защиту (стр. 30), автор диссертации фактически повторяет приведенную выше цитату.

Приведенных констатаций, на наш взгляд, недостаточно, чтобы утверждать о создании данной теории. Кроме заявления «согласно этой теории сми – это социальный институт, который влияет на деятельность политических институтов», в диссертации, к большому сожалению, нет другого текста, который бы содержал теорию интернетизации. Это существенный недостаток работы Никипорец-Такигавы Г.Ю., также как неопределённость её позиции, о которой говорилось выше и которая, повторяюсь, состоит в том, что интернет (в одном определении) *уже является политическим институтом подобно государству*, в другом – *является политическим институтом оппозиции*, а в третьем – что идёт *процесс превращения интернета в политический институт*. Объективности ради следует всё же признать, что элементы теории интернетизации в тексте диссертации всё же имеются. Эти элементы следующие: *автономность от других политических институтов и государства прежде всего* (стр. 273), *успешная интеграция и гармоничное взаимодействие с другими политическими институтами* (стр.274); *внешнее отсутствие иерархии, санкций и запретов, декларированная свобода, но присутствие скрытых санкций и эффективного контроля* (стр.266); *объединение и создание устойчивых групп и объединение индивидуумов, разделяющих политические ценности и принципы, поддерживающих правила и нормы политического поведения и взаимодействия на основе свободного членства и участия, но при наличии специфической иерархии политических ролей, а также специфического лидерства* (стр. 266). Все эти элементы содержатся в заключении диссертации, но было бы правильнее, если бы они были включены в соответствующие главы основного текста, в частности, в выводы по главам.

Следует особо подчеркнуть, что определение интернета как политического, характеристика его основных черт и качеств, очевидно, будет отличаться от остальных двух определений: как политического института оппозиции и как процесса превращения в политический институт.

Доказательной базой I-го раздела является II-й раздел диссертации. В отличие от теоретического I-го раздела и теоретических недостатков, о которых было сказано выше, II-й раздел – «Национальная модель интернетизации политического пространства на примере России», – базирующийся на большом эмпирическом материале, представляет главную ценность рецензируемой диссертации. Достаточно познакомиться с названиями глав и параграфов, чтобы убедиться в обоснованности такого вывода: «Интернетизации политической мобилизации» – глава 3; «Интернетизация идеологических движений и интернет-лидерство» – глава 4; «Интернетизация интернета в деятельности других политических институтов» – глава 5. Каждая из названных глав состоит из параграфов (всего их 9), в которых на достоверном, и (что особенно важно) выверенном фактическом материале раскрывается и анализируется содержание глав. В специальном подразделе, названном «Степень достоверности и апробация результатов исследования» (стр. 33-39) перечисляются как те проекты, в реализации которых автор в той или иной ипостаси участвовал (всего 10), так и те конференции, и семинары (всего выборочно 28 – преимущественно зарубежные), начиная с 2010 г. и заканчивая 2019 г., в которых он также активно участвовал. Это свидетельствует не только об ответственном отношении автора к исследованиям темы, но и о весьма широкой апробации. Если к сказанному добавить, что автором опубликовано 11 монографий, 72 научных статьи, в том числе 17 – в научных изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных изданий, 7 научных статей в научных изданиях, индексируемых в базах данных SCOPUS, а в научных изданиях, индексируемых в базах данных WEB OF SCIENCE, станет ещё очевиднее, что апробация вполне соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Всё выше сказанное и по I-му разделу диссертации, и

по II-му, побуждает обратить внимание на то, как автор формулирует цель, объект и предмет своего диссертационного исследования, а также её гипотезу.

В этой связи необходимо сначала напомнить о том, что непрерываемой нормой всякого научного исследования является тесная взаимосвязь и взаимозависимость гипотезы работы с её целью, объектом и предметом. Если «гипотеза заключается в том, что амбивалентную и комплексную роль интернета в политическом пространстве можно изучать в рамках теории интернетизации политического пространства, которая подразумевает два параллельных процесса, одним из которых является процесс интеграции интернета в деятельности других политических институтов, а другим – превращение интернета в политический институт, выполняющий в политическом пространстве функции, типичные для политических институтов», то и цель, объект, а также предмет должны определяться, исходя из заявленной гипотезы. Полагаю в связи с этим, что цель диссертации следовало бы определить следующим образом: «Цель данного диссертационного исследования заключается в научном обосновании амбивалентной и комплексной роли интернета в политическом пространстве в контексте авторской теории интернетизации данного пространства». Объект исследования – интернет в политическом пространстве, а предмет – либо «интернет, как политический институт оппозиции», либо «процесс превращения интернета в политический институт на примере России» в зависимости от того, что стремится обосновать автор диссертации и какую позицию он считает более верной.

Обобщая вышесказанное, отметим, что несмотря на указанные в данном отзыве недостатки, диссертация Никипорец-Такигавы Г.Ю. на тему «Интернетизация политического пространства на примере России» выполнена на достаточно высоком профессиональном уровне на базе большого достоверного, умело обобщенного эмпирического материала, содержит целый ряд важных научных выводов, полезных как для политической и других социальных наук, так особенно для социально-политической практики, связанной в частности, с интернетом. Диссертация соответствует основным требованиям, установленным

Порядком присуждения в Санкт-Петербургском государственном университете ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, утвержденным Приказом СПбГУ от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – Политические инструменты, процессы и технологии. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Профессор-исследователь
Департамента политологии и массовых
коммуникаций ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации», доктор исторических наук,
доктор политических наук, член
диссертационного совета

 Я.А. Пляйс

